

КИТАЙ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

CHINA IN THE CONTEXT OF WORLD HISTORY

Олег Ефимович Непомнин

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; distan@gmail.com

Oleg E. Nepomnin

DSc (History), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; distan@gmail.com

ОТ РЕДАКЦИИ:

Работа маститого китаеведа — историка, теоретика и экономиста О. Е. Непомнина рассматривает сочетание традиционных китайских онтологических принципов устройства общества и государства с наложившимися на них принципами современного капиталистического развития и представляет собой исследование, разрабатывающее теорию автора о циклическом династийном характере исторического процесса традиционного Китая.

Вписывая Поднебесную во всемирный контекст, автор делит многовековую непрерывную линию развития Срединного государства

на восемь базовых циклов-«круговоротов»: Раннеханьский, Позднеханьский, через почти четыре века — Танский, Сунский, Минский, Цинский, затем Тайпинский и, наконец, Восьмой цикл, Маоистский, начавшийся в 1950 г. и продолжающийся по сию пору. Отвечая на вопросы нескольких поколений исследователей, О. Е. Непомнин приводит убедительные доводы, подтверждающие его мысль о том, что в отличие от западноевропейской модели истории («линейное поступательное движение»), китайский социум развивался совершенно иначе.

Ключевые слова: формации, Восток-Запад, азиатский способ производства, цивилизационное развитие

EDITORIAL:

This work by Oleg E. Nepomnin, a distinguished Sinologist, historian, theoretician and economist, looks at the way traditional Chinese ontological principles of social and state organisation were combined with modern “capitalist” growth principles and presents the author’s theory about the way traditional Chinese empire developed in a cyclical, dynastic fashion. Inscribing China into the global context, the author splits the Middle Kingdom’s continuous, multi-century history into eight basic cycles: Early Han, Late Han, then, some four centuries later, Tang, Sung, Ming, Qing, then Taiping and, finally, the eighth Maoist cycle which began in 1950 and is still unfolding. Addressing questions posed by generations of researchers before him, Dr Nepomnin convincingly argues in favour of his central tenet: that the linear forward movement, widely accepted as the core historical dynamic of Western Europe, does not quite apply to China.

Key words: formations, East and West, Asian mode of production, Civilizations development

Цинская империя в XVIII–XIX вв. поражала весь мир своими размерами и многочисленным населением. К 1800 г. Китай по совокупности ВВП в пять раз превышал ВВП Англии и Франции вместе взятых. Урожай зерновых был достаточным, чтобы прокормить 300 млн жителей Цинской империи. В тогдашнем Китае находилась одна треть населения всего мира. Из десяти городов с населением свыше полумиллиона человек шесть городов в то время находились в Китае.

I. ЗАПАДНАЯ И КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. «МАЛАЯ» И «БОЛЬШАЯ» ЦИВИЛИЗАЦИИ

Между тем, именно в Новое время Европа стала демонстрировать быстрый и всесторонний прогресс. При этом западный мир функционировал как сумма «малых цивилизаций», т.е. цивилизаций страновых и региональных.

Каждая из них в свое время приносила что-то свое — специфический вклад в общую копилку «большой цивилизации». Создавалось единство многообразия и механизм синтеза, где каждый его компонент стимулировал развитие других и обогащал их «малые цивилизации». Здесь имели место не только переход количества в качество, но и поступательное развитие. Такого механизма взаимодействия и взаимообогащения у Китая не существовало. Корея, Япония и Вьетнам переняли китайскую культуру, но сам Китай почти ничего не перенял из их культурного багажа. В итоге сложилась «большая дальневосточная цивилизация» с центром в Китае. Здесь Китай пребывал в роли гегемона, эталона и духовной Мекки, однако автоматически работающего механизма поступательного развития и взаимного обогащения не сложилось. Наоборот, в этой «большой цивилизации» и в самом Китае сохранился застой.

На Западе цивилизация в XVII–XIX вв. как и прежде развивалась в связке «ведущий — ведомый». Сначала лидировали одни страны — участники большой системы и подтягивали к себе отстающих. В Европе «ведущий» постоянно менялся. Сначала это была Италия эпохи Возрождения, потом абсолютистская Франция, затем буржуазные Нидерланды и Англия. Здесь все — и «ведущие» и «ведомые» — перенимали друг у друга самое передовое и лучшее, обогащая культуру, как свою, так и соседа.

Если в Западной Европе в XVII–XIX вв. происходила последовательная смена общественных формаций и шел переход от феодализма к капитализму, то в Китае прочно сохранялась формация древности и средневековья, т.е. «азиатский способ производства». Не испытав смены общественных формаций, Цинская империя погрузилась в формационный застой.

В Новое время Запад в XVII–XIX вв. сохранял и развивал тип эволюции, характеризовавшийся восходящей линией развития. Китай остался в русле последовательной смены однотипных периодов с династийно-демографическим кризисом в конце каждого периода и переходом к другому, во всем сходному с предшествующим.

Таким образом, Западная Европа и Северная Америка шли по пути быстрого и непрерывного прогресса, а Китай за этот период прошел через два таких периода (Цинский и Тайпинский) с двукратным прохождением одних и тех же фаз (разруха, восстановление, стабилизация, кризис, катастрофа). Тем самым Цинская империя по сути оставалась на уровне предшествовавшего, т.е. Минского периода (XV–XVII вв.).

Резко различались и типы политической истории Китая и Запада. Если конец XVII в. и практически весь XVIII в. в Цинской империи сохранялся мир внутри страны, то Западная Европа оставалась зоной постоянных вооруженных конфликтов. Достаточно отметить наиболее крупные из них — Война за испанское наследство (1701–1714), Война за австрийское наследство (1740–1748) и Семилетняя война (1756–1763). За ними последовали Великая Французская революция, полоса революционных и Наполеоновских войн, а также другие многолетние вооруженные конфликты. В то время как Китай пребывал в состоянии социально-экономического и политического застоя в рамках восточной модели исторической эволюции, на Западе разворачивалась полоса буржуазных революций. Вслед за Нидерландской революцией (1566–1609) последовала Английская революция (1640–1649). Затем произошла Великая Французская революция (1789–1799). В Северной Америке аналогичную роль сыграла Война за независимость Соединенных Штатов (1775–1783). В 1830 г. грянула Июльская революция во Франции, а в августе того же года — в Бельгии. 1834–1843 гг. ознаменовались в Испании очередной революцией. Затем последовали революции 1848–1849 гг. во Франции, Германии, Австрии, Венгрии и Италии. В 1854–1856 гг. произошла Испанская революция. В 1859–1860 гг. новая революция в Италии привела к объединению страны, а в 1868–1874 гг. повторилась революция в Испании. Затем в 1870 г. разразилась Сентябрьская революция во Франции, вслед за ней левые радикалы произвели ряд городских революций, прежде всего в Париже. В ходе этих революций происходило поэтапное обновление политической системы и становление

новой государственности по мере разрушения структур, оставшихся от эпохи феодализма.

В Западной Европе набирали силу республиканство и демократические идеи, а в Китае господствовала традиционная монархия, усилилась сакрализованная верховная власть. Если Запад встал на путь формирования гражданского общества, то в Цинской империи сохранялся социум бесслесных подданных восточной деспотии.

В Новое время Китай и Запад отличались друг от друга противоположностью исторических моделей. Европа характеризовалась господством частной собственности и преобладанием общества над государством, становлением верховенства личности и права, причем государство превращалось в слугу общества. В Цинской империи все строилось на верховной собственности государства на землю, на всеобщем коллективизме, отсутствии частной собственности и статуса независимой личности с отсутствием просто институционализированной, защищенной законом частной собственности и статуса независимой личности; правовая защищенность человека отсутствовала. Все это превращало социум в слугу великого государства, всемогущей китайской деспотии. В итоге государственно-деспотическое начало оставалось основой цивилизации. На вершине цивилизационной пирамиды Китая безраздельно господствовал культ государственности. Здесь не было ничего более весомого и священного, чем централизованное властное начало. Культ верховной власти и идея великого государства как священный компонент конфуцианской цивилизации пронизывал ее снизу доверху.

2. «ОБЩЕСТВЕННАЯ» И «ГОСУДАРСТВЕННАЯ» ЦИВИЛИЗАЦИИ

В этом плане Запад выступал как «общественная цивилизация», ибо здесь общество стояло выше государства, тогда как Китай оставался «государственной цивилизацией», ибо в Цинской империи государство было выше социума и выступало демиургом системы. В Западной Европе и Северной Америке государство функ-

ционировало как арбитр между укладами, классами, сословиями, слоями, регионами, этносами и конфессиями. В отличие от этого в Китае государство давно утвердилось как господин над социумом без различий между его компонентами — горизонтальными и вертикальными слагаемыми. В итоге на Западе цивилизация, в конечном счете, создавалась обществом, снизу вверх, на базе индивидуалистического начала. В Китае государство как демиург и воспитатель социума оставалось главным началом в формировании цивилизации сверху вниз, на коллективистских началах. В то время как Запад постепенно стал считать человека и его разум вершиной всего, китайская империя помимо всего прочего цементировалась верой во всемогущество Неба, а, следовательно, и Сына Неба, т.е. императора.

— Город и деревня

Прогресс Запада шел из города, базируясь в сфере мануфактур, мастерских, ремесла, фабрик, торговли, ростовщичества и транспорта, школ и университетов. Тем самым Европа создала себе лучшую «стартовую площадку» для броска в бурный поток модернизации. В Цинской империи господствовала иная доктрина: «Земледелие — ствол, а ремесло и торговля — ветви», традиционное стремление «укреплять ствол, обрубать ветви». Здесь промышленность, торговля, банковская деятельность считались «низкими», «корыстными» и «недостойными» истинного конфуцианца. Все это вело к отставанию Китая от Западной Европы, тем более произошло очередное «закрытие» страны, т.е. ее изоляция от внешнего мира.

— Застой и развитие

Европейскому динамизму Китай противопоставил застой, ориентации на новизну — копирование древности, индивидуализму — коллективизм. В противовес автономности личности на Западе здесь царила поглощенность человека общностью. Идеалу свободы здесь противостояло поголовное рабство подданных, требование покорности. Идеал равенства понимался как тотальная подчиненность всех и вся верховной

власти. Вместо уважения к частной собственности насаждалась враждебность к частному богатству как чему-то нечистому. Верховенство права в Китае заменялось господством морали.

В описываемый период Западная Европа совершала движение по восходящей линии — Возрождение, Реформация, Просвещение, эпоха буржуазных революций, промышленный переворот. Одна эпоха сменяла другую. Все это время — вплоть до конца XIX в. — Китай оставался в рамках традиционного застоя. Во всех сферах жизни Запада происходил прогресс. Так, в европейском искусстве происходила смена стилей — романский, готический, барокко, рококо, классицизм, романтизм и реализм. В противовес этой смене и поступательному развитию в Цинской империи в искусстве и архитектуре также царила застойная традиция, господство которой несколько ослаблялось сменой жанров, форм и трактовок, подчинявшихся, однако, неизменным стандартам.

— Древность и современность

Если в Европе наступила эпоха критического отношения к наследию прошлого, отжившее перерабатывалось, а прогрессивное развивалось, то в Средней империи все шло иначе. Древние и средневековые каноны трактовались как освященная тысячелетиями классика, не подлежащая критике. Множились пустопорожнее комментирование древних текстов и простая компиляция. Все это порождало начетничество, догматизм и схоластику. Тем самым Китай консервировал все то, от чего Запад все решительнее избавлялся.

В Китае в эпоху Цин продолжалось всемерное насаждение единомыслия, стандартизации сознания. Не было и речи о появлении новых идей, новых форм, жанров и концепций даже в сфере гуманитарного знания — философии и историографии. Подгонка всего и вся под идеологические установки конфуцианства сочеталась с тотальной индоктринацией. Господство старых шаблонов усиливалось государственной цензурой. Страх перед возможностью любого отклонения от нормы порождал массовую само-

цензуру и предвзятость мнений, что жестко сковывало мышление¹.

Сакрализация канонических книг происходила в Китае по принципу «чем древнее текст, тем больше он сакрален». Мудрость черпалась не из познания окружающего мира, а из прошлого — чаще всего из текстов, написанных еще до новой эры. Работа с текстом и для ученика, и для учебного начиналась с зубуривания текста канона и комментария к нему. Зубрежка и бездумное повторение заученного считались нормой, достойной всяческого поощрения. С этого если не начиналось, то укреплялось воспитание послушного подданного и «винтика» системы.

— Критика и догматизм

В Европе усиливало позиции аналитическое и критическое мышление, тогда как в Китае сохранялись примат догмы и сверхжесткая ортодоксия. На Западе былой догматизм средневековья уходил в прошлое, отступал в узко-конфессиональную сферу; в Цинской же империи безраздельно царили конфуцианские догматы, сочетавшиеся с даосскими и буддийскими постулатами. В отличие от западной цивилизации, конфуцианство по преимуществу ориентировалось даже не столько на прошлое, сколько на древность. В этой последней лежали все идеалы, нормы, парадигмы и постулаты. В известном смысле слова у конфуцианской цивилизации «глаза на затылке».

Если гуманитарное обучение и образование в Китае служили делу воспитания не рассуждающего и рабски покорного подданного азиатской деспотии, то в Европе складывалась иная ситуация. Здесь гуманитарные дисциплины формировали свободную и мыслящую личность нового типа. Наряду с точными науками, гуманитарные дисциплины раскрепощали творчество индивида, открывали путь к реализации дарований свободной личности.

Невзирая на сравнительно широкое распространение гуманитарных дисциплин в Китае, не-

смотря на их высокий престиж, грамотой владели всего около 5 % населения. Во многом это объяснялось спецификой китайской иероглифической письменности. Как бы то ни было, Цинская империя оставалась «материком неграмотности».

— Естественные науки

На Западе шло бурное развитие естественных и точных наук, в русле которых возникали все новые, перспективные отрасли знания. Конфуцианский же Китай лишь всемерно культивировал преклонение перед древними канонами и средневековыми сочинениями. При этом изучение классических текстов по сути сводилось к их заучиванию наизусть и преклонению перед их традиционным толкованием. В такого рода комментированиях формально-логический анализ текста оставался единственно допустимым проявлением активности со стороны ученого. При полном пренебрежении естественными и точными науками в Китае процветали этические концепции, космология, нумерология, символика природы и микрокосма, геомантия, мифология, спиритизм, вера в нечистую силу, бестиарий которой был чрезвычайно развит [Needham, 1969].

— Коллективизм и индивидуализм

Воспитание в Китае ставило целью взрастить коллективистского человека, представляющего собой исходный материал для конструирования безличностного социума рабов во главе с императором — Сыном Неба. В итоге Китай XVII–XIX вв. оставался заложником азиатской социальности — экономической формации, а китайская модель этой формации — застойным вариантом исторического бытования. Под гнетом азиатской деспотии китайский социум существовал в тесных идеологических рамках конфуцианской доктрины.

Лозунгами Запада постепенно стали «личность и развитие», а на знамени Китая оставались традиционные ценности — государство и

1 Sivin N. Why the Scientific Revolution Did Not Take Place in China – Or Didn't It? // Sivin N. (ed.). *Science in Ancient China* (PDF). Aldershot, Hants: Variorum, 1995. URL: https://www.sas.upenn.edu/~nsivin/from_ccat/scirev.pdf (дата обращения: 07.05.19)

стабильность. Европа встала на путь познания окружающего мира и природы, а Цинская империя замкнулась в заколдованном круге диверсификации моральных ценностей. Запад вышел на высоты научно-технического прогресса, а Китай остался на уровне книжной схоластики. Исторический застой здесь дополнялся стремлением к абсолютной стабильности, боязнью перемен, тягой к сохранению традиционности. Циклический тип эволюции Китая к XIX в. привел страну в тупик, между тем конфуцианская цивилизация рассматривалась как идеальная, уникальная и самодостаточная. В итоге, приняв за непревзойденный образец стандарты седой древности, Китай был вынужден смотреть не вперед, в будущее, а назад — в далекое прошлое.

В Европе практическое, прикладное знание порождало новую технику. Через эпохи Возрождения и Просвещения Запад вошел в эпоху научной революции, открыв себе дорогу в бесконечную эпоху промышленной революции, а по сути — технической революции. Так знание превратилось в материальную силу, в один из источников прогресса и богатства общества. Более того, расходы на образование стали в Западной Европе исторически окупаемыми и приносящими реальную выгоду инвестициями. Издержки на образование и науку с избытком стали окупаться возросшими прибылями в промышленности и на транспорте. Здесь нет возможности перечислить все события научно-технического прогресса на Западе. Отметим лишь некоторые из них. В 1652 г. основана Германская академия естествоиспытателей, в 1675 г. — Гринвичская астрономическая обсерватория. В 1803 г. построен первый паровоз (в Англии); в 1863 г. в Лондоне, как и в Германии, открыли «подземку» (метро); в 1881 г. в Берлине состоялся пуск первого трамвая; в 1894 г. началось производство первых «массовых» автомобилей. В 1905 г. в США открылся первый кинотеатр.

3. Восток и Европа в Новое время

Новое время ознаменовалось созданием и укреплением мирового рынка на базе между-

народного разделения труда, что стало шагом к возникновению мирового хозяйства. На мировую арену вышел колониализм, т.е. политическое и экономическое порабощение менее развитых и отсталых стран. Создалась система «метрополии-колонии», как правило путем военных захватов. К началу XX в. почти все страны Африки и большей части Азии были превращены в колонии, а государства Латинской Америки — в полукolonии. Укреплению этой системы и мирового рынка во многом способствовали усовершенствование огнестрельного оружия Запада, развитие пароходства, железных дорог, телеграфа и открытие в 1869 г. Суэцкого канала.

На периферии западного мира формировались колониальные империи, наиболее крупная из которых — Британская империя. В ее состав одна за другой силой оружия были включены в основном владения в Магрибе и Северной Америке. Началась английская колонизация Австралии и Новой Зеландии. Англия захватила всю Индию, обширные владения в Бирме и Южной Африке, Кипр и Египет, став крупнейшей колониальной державой. Наряду с ней сложилась Французская колониальная империя. В ее состав были включены в основном владения в Магрибе, в западной и экваториальной Африке, в Индокитае, ряд островов в Тихом океане и Карибском море. Третьей колониальной империей стали Нидерланды. Голландцы захватили Индонезию и ряд владений в Америке. На путь колониальных захватов встали Германия, Италия, Россия и Япония.

По-разному складывались судьбы стран Востока. В Индии существовала Могольская держава (Государство Великих Моголов). В XVII в. в нем начались процессы распада. В 1674 г. здесь возникло независимое Маратхское государство, а затем конфедерация маратхских княжеств. В XVIII в. от Могольской державы отделилось большинство ее бывших провинций. В ходе британского завоевания Индии (1757–1849) страна превратилась в колонию Англии, которая захватила Цейлон (Ланку) и Бирму (Мьянму). К 20-м гг. XX в. в завоеванной Индии англичане провели ряд реформ — со временем ввели представительские учреждения, европейские

принципы права и судопроизводства, создали капиталистический уклад.

К 70-м годам XVII в. завершилась полоса турецких завоеваний. Созданная в результате последних Османская империя включала, помимо собственно Турции, весь Балканский полуостров, значительные территории на севере Африки, Месопотамию и др. Национально-освободительная борьба поработенных Османами народов, а также русско-турецкие войны XIX в. привели к освобождению многих балканских народов и созданию независимых государств. Младотурецкая революция 1908 г. свергла деспотический режим султана-халифа Абдул-Хамида II (1876–1909) и установила конституционную монархию (под контролем военной олигархии).

Иран под властью династии Сефевидов в этот период переживал смутное время, и в 1722 г. Сефевидская держава развалилась. Иран на короткое время был объединен Надир-шахом (1736–1747). После его смерти и новой смуты в 1796 г. к власти пришла династия Каджаров, обеспечившая единство страны более чем на столетие. В последней трети XIX — начале XX в. Иран превратился в полуколонию, главным образом Англии и России. В ходе иранской революции 1905–1911 гг. провозглашена конституция и создан парламент (меджлис).

Российская империя под властью династии Романовых сложилась на основе Российского государства, которое Петр I объявил империей. В ходе завоеваний и мирных присоединений в состав империи вошли Прибалтика, Правобережная Украина, Белоруссия, часть Польши, Бессарабия, Северный Кавказ. С XIX в. в ее состав включены Финляндия, Закавказье, Казахстан, Средняя Азия и Памир. Официальными вассалами империи были Бухарское и Хивинское ханства. В ходе ряда русско-турецких войн к империи в XVIII–XIX вв. присоединены территории в Северном Причерноморье. Крестьянская реформа 1861 г. отменила крепостное право, способствовала ускоренному социально-экономическому развитию России, где в 1905–1907 гг. произошла первая революция.

Во второй половине XIX в. в семью ведущих держав постепенно начала входить Япония, находившаяся до этого времени под властью сёгунов династии Токугава (1603–1867). В 1867–1868 гг. произошла своего рода «революция Мэйдзи» (*Мэйдзи исин*). Власть Токугава свергнута, началась модернизация страны и бурное развитие капитализма. В 1889 г. введена конституция, а в 1890 г. создан первый парламент. Быстрая модернизация привела к превращению Японии в сильное капиталистическое милитаризованное государство, начавшее завоевательные войны на Дальнем Востоке.

Поступательный тип развития на Западе привел к всестороннему подъему, в том числе естественных наук, техники и реализации их достижений в различных сферах жизни общества. Китайский же тип крайне замедленной эволюции породил духовный застой в жизни социума, а цивилизационный застой, в свою очередь, привел к стагнации материальной составляющей цивилизации. Все это сказалось на резком изменении международного статуса Цинской империи. С началом Нового времени произошел переход Китая в разряд стран «отстающих и догоняющих» передовой Запад. Неразвитость естественных наук и техники оказалась вопиющей к середине XIX в., когда Китай столкнулся с Западом в боях на море и на суше. Архаичность вооруженных сил Цинской империи в период «опиумных» войн середины XIX в. стала адекватным отражением результатов длительного буксования на путях истории.

II. ПРОБЛЕМА ЦИКЛИЧНОСТИ ИСТОРИИ КИТАЯ

Китай — это великая держава и огромная страна, издавна именовавшая себя Средним государством и Поднебесной империей. Это одна из древнейших цивилизаций, давшая человечеству шелк, чай, фарфор, бумагу, книгопечатание, компас и порох, создавшая Великую Китайскую стену, Великий канал и дворец Гугун в Пекине. Это страна богатейшей культуры, родина иеро-

глифической письменности, конфуцианства и даосизма, утонченной живописи, богатейшей литературы, включая гигантское собрание исторических письменных памятников и сочинений. Что касается великой истории Китая, то ученые до сих пор спорят о ее длительности — сорок или пятьдесят столетий? Если это пять тысячелетий, то Древний Китай является «ровесником» Шумера, Вавилонии и Древнего Египта. Их истории прервались, а цивилизации умерли, тогда как китайский феномен жив и здравствует, а его бытование никогда не прерывалось.

В отличие от западноевропейской модели истории, представляющей ее ход как линейное поступательное движение, Китай, начиная с эпохи Хань, до наших дней развивался по иному сценарию. Эволюция китайского социума как до середины XIX в., так и в последующее столетие (1840–1949) происходила в условиях функционирования сельского хозяйства трудоинтенсивного типа. Он порождал последовательную смену однотипных династийно-демографических периодов, которые сопровождались гигантскими социально-политическими катастрофами, приводившими к смене правящих династий.

Документированная история Китая насчитывает около сорока столетий. Начиная с эпохи Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) в эволюции Срединного государства явственно проявляется фактор повторяемости, т.е. чередования однотипных и стандартных династийных периодов. В кратком изложении природа каждого такого периода выглядит следующим образом. Каждый из них начинался после очередной военной и политической катастрофы, т.е. смуты, крестьянской войны, полосы народных восстаний или нашествия кочевников, когда погибали иногда более 70 % всего населения страны.

МЕХАНИЗМ КИТАЙСКОГО ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Каждый период начинался с прихода к власти новой династии, совпадавшего с фазой всеобщей разрухи, на смену которой приходила фаза

восстановления. На этом этапе необработанной, т.е. заброшенной, земли было намного больше, нежели рабочих рук. Население росло и поднимало залежь. Наступала фаза стабилизации, т.е. равновесия между площадью пашни и числом крестьянских дворов. По прохождении этого нормального уровня демографический потенциал начинал превышать допустимые пределы. Крестьянские владения, семейные наделы и сами поля мельчали. На каждого едока приходилось все меньше земли, зерна и иного продовольствия. Возникало избыточное население, и для него в деревне уже не было еды и работы.

«Лишние» люди перемещались в города, в сферу ремесла, торговли, горнодобывающей промышленности и транспорта. В этой фазе уход из сферы земледелия уже не смягчал беды нарастающего кризиса, так как и в недеревенской экономике наступал избыток рабочей силы, и уходившие из сельского хозяйства люди оказывались выброшенными из всех сфер экономики. Такая ситуация становилась фазой острого кризиса. Логика данной исторической модели вела к неуклонному ухудшению социального и политического положения в стране. В условиях возраставшего демографического давления все новые и новые миллионы людей лишались средств существования. Критическая масса населения, впадая в нищету, превращалась в «горючий материал», ища выход в бродяжничестве, воровстве, разбое и восстаниях. Фаза кризиса перерастала в стадию катастрофы. Массовая вооруженная борьба — восстаний и крестьянских войн — зачастую длилась не одно десятилетие. Государственная власть слабела. Смута, особенно в сочетании с политической раздробленностью и нашествием кочевников, приводила к гибели огромных масс населения, запустению деревень, разрушению городов, падению ремесла, торговли, остановке горных разработок и транспорта. На этой стадии катастрофы заканчивался данный династийный период. Старая династия гибла, и на смену ей приходила новая. Фаза разрухи открывала собой новый социально-демографический период, и все повторялось сначала — по описанному сценарию.

В истории Китая имели место восемь таких круговоротов. Первым был Раннеханьский период (206 г. до н.э. — 24 г. н.э.); вторым — Позднеханьский (25–220). После долгого перерыва, почти в четыре столетия, наступил третий — Танский период (618–907). Четвертым стал Сунский (960–1279), пятым — Минский период (1368–1644). За ним последовал Цинский (1644–1870) — шестой круговорот в истории Китая. Его сменил седьмой — Тайпинский (1870–1949). Восьмой период, Маоистский, начался в 1950 г. и продолжается в наши дни. Таким образом, почти все периоды именуются по названию правившей тогда династии. Здесь мы указываем начало и конец каждого периода по сугубо династийному принципу; такая датировка весьма условна. Своей «точностью» до года она отнюдь не соответствует размытости такого ориентира, как «граница» между фазой катастрофы прошедшего периода и стадией разрухи наступившего.

Смена одного периода другим, как и смена всяких исторических процессов, не может иметь жестких временных рамок. Кроме того, необходима следующая оговорка. Если фазы Позднеханьского периода прослеживаются благодаря цифровым показателям, то Раннеханьский — только по описательному материалу источников. Таким образом, в истории Китая имели место шесть «больших» периодов продолжительностью от 200 до 300 лет каждый — с Раннеханьского до Цинского включительно, и два «малых» — Тайпинский (80 лет) и Маоистский, продолжающийся более полувека.

ЧЕТЫРЕ ЦИКЛИЧЕСКИЕ ЭПОХИ В ИСТОРИИ КИТАЯ

С учетом фактора чередования таких круговоротов вся история Китая распадается на четыре неравные эпохи. Первая пора — от Шан до Хань (XVI — начало III в. до н.э.) еще не знала смены периодов и охватывала примерно 18 веков. Вторая эпоха — два Ханьских периода (Ранний и Поздний) — длилась более четырех веков

(206 г. до н.э. — 220 г. н.э.). Третья эпоха являла собой полосу от конца Позднеханьского до начала Танского периода (III–VII вв.); между ними прошло около четырех столетий. То была эпоха политической раздробленности, междоусобных войн, смут и нашествий кочевников, когда одна волна разрухи сменялась очередной фазой разорения страны и гибелью многих миллионов людей. В этих условиях смены стандартных периодов не сложилось. И, наконец, четвертая и последняя эпоха целиком состояла из таких периодов. Речь идет о периодах в рамках господства четырех династий — Тан, Сун, Мин, Цин. Из этой череды выпадает время господства монгольской династии Юань (1279–1368), поскольку все без малого сто лет ее правления характеризовались не прекращавшейся вооруженной борьбой китайского народа с завоевателями. На смену Цинскому пришли «малые» периоды — Тайпинский и Маоистский.

Эпоха чередования стандартных круговоротов с двумя небольшими перерывами — время «Пяти династий» (907–960) и Юань — уже длится почти четырнадцать столетий (618–2019). Таким образом, вся история Китая представляет собой сочетание двух начал — смутных времен и династийных периодов — при смене первого вторым. При этом именно эпоха чередования стандартных периодов отличалась наиболее интенсивными нашествиями кочевников — киданей, тангутов и чжурчжэней, создавших в Северном Китае свои государства (X–XIII вв.). Затем наступала полоса иноземных завоеваний всего Китая и создания неханьских династий — монгольской Юань и маньчжурской Цин (1644–1911).

Неизбежно встает вопрос о соотношении поступательного линейного и возвратного стагнирующего типов общественной эволюции в Китае и на Западе. В эволюции Среднего государства до эпохи Хань имелись определенные признаки линейной поступательности. Однако в русле Раннеханьского и Позднеханьского периодов они сменились возвратным попятным движением. Эпоха — от конца периода Поздняя Хань до становления Танской империи (220–

618) — в целом имела сумбурный характер. В ней отсутствовало линейное начало, а обратное представлено фрагментарно, его признаки нечетко выражены. В VII в. произошел коренной перелом — состоялся окончательный переход на рельсы традиционного типа эволюции. Начиная с эпохи Тан и до наших дней наблюдалась последовательная смена одного стандартного периода другим при явном сокращении продолжительности самих периодов. В это же время произошло окончательное расхождение Китая и Западной Европы по разным направлениям общественной эволюции, причем Европа бесповоротно перешла к линейному поступательному варианту исторического движения.

В противоположность Западу Китай с VII вплоть до XXI в. находился в русле буксования от одного периода к другому с повторением одних и тех же фаз и стадий внутри каждого периода. Если Запад перешел к неуклонной модернизации общественного бытия, то Китай четырнадцать веков потратил на замораживание исторического процесса, сохранение и воспроизводство традиционного общества, т.е. на застой. Вместе с тем не следует абсолютизировать застой китайского традиционного общества, который наиболее ярко проявлялся на фоне быстро прогрессирующего Запада. С внутрисистемной же точки зрения поступательное движение в китайской модели не наблюдалось. В самом механизме такого круговращения имели место два вида движения от низшего к более высокому уровню.

Первым таким видом являлось движение внутри каждого периода — скольжение от одной фазы к другой. В фазе восстановления разрушенной системы выходила на уровень стадии стабилизации предшествовавшего периода. В этой фазе нового витка не просто сохранялся былой потенциал городской экономики и культуры, но и наблюдалось его определенное обогащение и совершенствование в обстановке бурного роста городов. Экономический, социальный, материальный и духовный уровни фаз стабилизации и кризиса в данном периоде оказывались несколько выше, нежели на тех же стадиях предыдущего

витка эволюции. Правда, в фазе катастрофы эти более чем скромные достижения смыслились волной разрухи. Затем тот же сценарий повторялся в следующем периоде. В его двух фазах — стабилизации и кризисе — историческое движение выходило на более высокий уровень. Тем самым при переходе от одного периода к другому имела место некоторая поступательность.

В итоге возникал второй вид движения — когда с каждым новым витком общество поднималось на новую ступеньку. Однако эти достижения во многом гасились с наступлением фаз катастрофы и разрухи, и поступательное движение низводилось к минимуму. Практически оба вида движения находились в постоянной борьбе между собой, сводя эволюцию Китая к состоянию, близкому к стагнации. Результаты восходящего движения становятся осязаемыми главным образом при сравнении периодов, крайне удаленных друг от друга во времени, например, Поздниханьского и Цинского. Если Запад вышел на устойчивое линейное развитие с постоянно поднимающейся кривой общественного прогресса, то в Китае сложилась иная ситуация. Здесь поступательность наблюдалась в виде крайне пологой спирали с минимальным расстоянием между ее витками.

При этом само движение по виткам главенствовало над их тенденцией к вертикальному восхождению. В итоге доминирующим началом китайской модели, в отличие от западной, оказалась социальная стагнация. Это не позволяло Китаю выйти на более высокий уровень общественного бытия и, в частности, ослабляло его оборонный потенциал. Военной слабостью Среднего государства регулярно пользовались северные кочевники, особенно когда Китай вступал в фазу смуты и катастрофы. В итоге малочисленные, но хорошо организованные номады не раз завоевывали огромную земледельческую страну. Китайская империя оставалась настолько отсталой и слабой, что начало XX столетия встретила под властью очередных завоевателей — маньчжуров. Последние возвели на китайский престол свою династию Цин, присоединили к Китаю Маньчжурию, Монго-

лию, Джунгарию, Кашгарию и Тибет, создав гигантскую Цинскую империю.

ЦИНСКИЙ ПЕРИОД

Началась эпоха Цин (1644–1912), ставшая весьма специфической частью четырехтысячелетней истории Китая. К началу XVII в. в силу особенностей своей модели исторической эволюции Среднее государство отстало от Западной Европы. Если последняя вступила в полосу буржуазного развития и новой общественной формации, то Поднебесная империя осталась в русле традиционности и азиатского способа производства в его особом китайском варианте. В Европе уже началась эпоха новой истории, а Китай застрял в средневековье.

Китаю история уготовила очередное «варварское» завоевание, еще одно воцарение чужеземной династии и обычный для китайской исторической модели социально-демографический период. Последний развивался по типовому сценарию — круговорот со сменой фаз разрухи, восстановления разрешенного, стагнация, нового кризиса и неизбежной политической, демографической и экономической катастрофы. Этот Цинский период начался в 80-х гг. XVII в. и завершился в 70-х гг. XIX столетия. Внешне империя Цин выглядела вполне благополучным государством — богатые города, развитое ремесло и торговля, древняя и высокая цивилизация [Непомнин, 1974]. За китайский шелк, чай и фарфор Европа и Америка расплачивались серебром. Однако затем Запад перешел от феодализма к капитализму, от средневековья к новому времени. Китай же остался отсталой и «закрытой» от остального мира страной, и лишь полоса торговых, или «опиумных», войн середины XIX в. насильственно вовлекла Цинскую империю в систему мирового рынка и общемирового развития. Только тогда для Китая начался период новой истории, продолжавшийся вплоть до падения Цинской династии в 1912 г. и Первой мировой войны. В силу этих причин эпоху Цин в Китае нельзя полностью включить в период новой истории. В XVII, XVIII и в большей части

XIX в. Китай оставался в русле традиционности и средневековья, и только с последней трети XIX в. в стране возникли элементы переходного общества.

Период становления и развития этого переходного общества в полукOLONИАЛЬНОМ Китае целиком пришелся на Тайпинский период, длившийся с 1870 по 1949 г. Предшествующие ему Минский (1368–1644) и Цинский (1644–1850) периоды начинались со смены династии (соответственно Юань–Мин и Мин–Цин) и с разрядки демографической и экономической перенапряженности в результате гибели значительной части населения. Длительность самих периодов постоянно сокращалась. Так, Минский продолжался 276 лет, Цинский — 206, Тайпинский — 80. С включением Китая в мировую капиталистический рынок в историческую эволюцию страны вторгся западный европейский тип развития линейный. После «опиумных» войн середины XIX в. здесь началось сосуществование и взаимодействие старого и нового типов эволюции — возвратного круговорота и линейного [Непомнин, 1990].

ТАЙПИНСКИЙ ПЕРИОД: ХРИСТИАНСТВО И КИТАЙ

Специфика Тайпинского периода заключалась в явном вмешательстве нового начала в старый механизм кругового движения. Во-первых, Первая опиумная война 1839–1842 гг. и проникновение иностранного капитала послужили стимуляторами и ускорителями очередной фазы кризиса и социального взрыва, а именно Крестьянской войны тайпинов. Во-вторых, европейское начало стало не только «фоном», но и прямым участником этого катаклизма. Здесь большую роль сыграли поддержка державами династии Цин и их борьба против новой тайпинской «Небесной» династии в ходе прямой интервенции 1862–1864 гг. В-третьих, продукт линейного развития — христианство стало компонентом и знаменем традиционной крестьянской войны. По трем указанным направлениям в механизм кругового движения и возвратной смены периодов введен линейный потенциал.

В итоге взаимодействия традиционного и современного начал нарушилось нормальное функционирование принципа периодического и временно-го оздоровления китайской системы, тогда как ее линейное обновление еще только начиналось. Напластование нового и старого привело к сбою в работе средневекового механизма. Демографическая и экономическая перенапряженность снята в результате гибели 40–50 млн. человек, но обновления власти не произошло, династия Цин сохранилась. Имело место некоторое оздоровление традиционной системы, обычного же в таких случаях частичного возврата к более отсталым раннестадийным формам в базе и надстройке не наблюдалось.

Малая эффективность очередного кризиса объяснялась и военно-политическим поражением последней крестьянской войны китайского средневековья. Это поражение было связано с привнесением в ее природу линейного начала — христианства. В конфуцианском Китае тайпинизированное знамя Христа не смогло поднять массы на свержение династии, равно как и не смогло объединить китайцев вокруг новой власти. Первоначальные успехи тайпинов в 1850–1856 гг. объяснялись тем, что на повстанцев работало гигантское скопление «горючего материала», как социально-экономического, так и национально-освободительного, антиманьчжурского характера. «Христианская» армия тайпинских ванов долго держалась на этой волне. Когда же этот потенциал был уже во многом исчерпан и из социального «котла» вышла критическая масса «горючего материала», началась стагнация, а затем и упадок тайпинского движения.

Именно преждевременное и крайне опасное в той среде религиозное новаторство повстанцев во многом спасло старую династию Цин, а новую, «Небесную» — погубило. Чуждое конфуцианству знамя Христа не позволило шэньши присоединиться к тайпинам или занять по отношению к ним лояльную позицию. Это во многом определило отношение сельского населения к «длинноволосым» повстанцам (*чанмао*) и резко укрепило ряды «белоповязочников», поддержавших старую власть.

Обреченность «христианской» власти в низовьях Янцзы, т.е. именно образование Тайпин Тяньго в середине XIX в., обуславливалась тем, что с переплетением возвратного и линейного начал чисто традиционный вариант смены династии уже частично не работал, а современный путь, т.е. обновление надстройки по-европейски, еще не имел реальной основы. Если в начале данного катаклизма все шло по правилам средневековой закономерности, то в середине его разрушительно-созидательная функция оказалась частично парализованной из-за переплетения с чужеродным началом. Этот синтез привел к специфическим и «смазанным» результатам: обновление системы оказалось половинчатым, а начавшийся период — ущербным и ослабленным. Сбой в работе средневекового механизма привел к тому, что Тайпинский период начался с «плохого» старта и слабо оздоровленной почвы не рассосавшегося до конца кризиса [Непомнин, 1980]. В традиционном Китае периодическое обновление системы шло через единое слитное решение демографических и хозяйственных задач, с одной стороны, династийных и надстроечных — с другой. Оба слагаемых такого механизма неразрывны в общей связке.

С вмешательством линейного начала и его переплетением с возвратным произошло расщепление династийно-демографической связки. Так, в 1850–1864 гг. сработал демографический компонент, но смены династии не произошло. В 1911–1913 гг. сработал династийный компонент, но изменения в надстройке не сопровождалось решением демографического кризиса. Таким образом, один пласт некогда единого, а теперь разобщенного механизма отстал от другого на полвека, и это свидетельствовало о явном ослаблении старокитайского типа эволюции. При этом в XX в. возвратность не умерла, а круговое движение стало сочетаться с линейностью развития, т.е. со сменой формаций (традиционность–переходность–социализм). Ускорение и развертывание нового типа эволюции происходило на фоне продолжавшихся процессов Тайпинского периода (рост демографической и

хозяйственной напряженности в деревне), что затащило страну в полосу очередного социально-политического катаклизма 30–40-х годов.

СИНТЕЗ СТАРОГО И НОВОГО ТИПОВ РАЗВИТИЯ КИТАЯ

В итоге процессов, характерных для Тайпинского периода, старый и новый тип развития Китая сосуществовали в условиях синтеза. Такого рода сожительство было помехой обоим, ведя к их обоюдному искажению, к появлению некоего «третьего» варианта эволюции. Так, в последней четверти XIX в. в русле линейно-возвратного развития в рамках Тайпинского периода традиционно произошли демографическая разрядка и свойственные первой фазе любого очередного такого витка снижение урожайности, падение производительности труда в земледелии. Однако в начале XX в. выхода во вторую фазу нового периода (подъем) не произошло, и деревня, минувя ее, сразу втянулась в третью его фазу (кризис). При этом демографический фактор утратил династийную форму, а смена власти (бэйянская, гомиьндановская) утратила связь с демографическим фактором. В результате этого облегчался синтез китайской традиционной и западной современной моделей исторического движения [Непомнин, 2005].

Соотношение старого и нового в этом блоке менялось. Если в начале переходного периода явно преобладала возвратность, то по мере ее постепенного изживания стал набирать силу, особенно после падения монархии, линейный компонент эволюции. Так, до 1912 г. по старому сценарию совершались дворцовые перевороты (1861, 1898 гг.) и крестьянские войны (тайпинь, *няньцзюни*), приезды «данников» (*фанъ*) в Пекин и средневековые экзамены (*кэцзюй*) на ученое звание. Происходили восстания тайных обществ (*хуэйдан*) и ритуальные шаманские пляски (*тяошэнъ*) в дворцовом храме и Шаманском управлении (*Шэньфан*). Продолжались интриги маньчжурских князей и придворных евнухов, жертвоприношения духам и «голодные бунты». Параллельно этому развивались события по но-

вому сценарию: вторжение иностранного капитала, вращение Китая в мировой рынок, рост фабрик и возникновение буржуазии, борьба за конституцию и парламент, становление государственного капитализма и пролетариата, началось современное революционное движение. На ранней стадии своего взаимодействия возвратность и линейность еще не слились воедино и были довольно автономны, во всяком случае до крушения Цинской империи в 1912 г.

Таким образом, если до 1911–1913 гг. переходный Китай представлял собой страну «двух сценариев» исторического развития, то уже в республиканский период (1912–1949) он стал арендой развертывания «промежуточного» или «смешанного сценария». «Период двух сценариев» соответствовал и хронологически, и по существу доинтегральной фазе становления синтезированной общественной системы в Китае, а «период смешанного сценария» — интегральной фазе данного процесса, когда произошло слияние линейного и возвратного начал. Если до 1912 г. в Китае наблюдались два типа исторического движения, то после падения монархии — один «смешанный» вариант развития. Если в доинтегральной фазе переходного общества существовали две разные шкалы социальных ценностей (старая и новая), то в интегральной фазе — одна общая комбинированная шкала — «старо-новая» или «ново-старая». Соответственно, если после «опиумных» войн вплоть до падения монархии Китай являлся «обществом двух стандартов» — традиционного и современного, то в республиканский период (1912–1949) они слились в некий промежуточный, третий. В итоге гигантская полуколония стала «обществом двуединого стандарта».

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА. КИТАЙ В XX ВЕКЕ

Итак, после 1911–1913 гг. Китайская Республика осталась «обществом в двух измерениях», причем резко возросло количество явлений, структур и процессов смешанного типа, соответствовавших именно «двуединству стандарту». То были продукты общественного синтеза. Взаимо-

проникновение современного и традиционного определило природу двух фаз — кризиса и катастрофы Тайпинского периода. В нем обе фазы начались рано и вылились в полосу «смуты» 10–40-х гг. XX в. В этой «смуте» традиционными были децентрализация, т.е. распад единого государства на зоны господства местных влиятельных военачальников (генералы-милитаристы), длительная междоусобица (вооруженная борьба милитаристских группировок), очередное иноземное завоевание (японская оккупация едва ли не половины страны), попытка создать «новую династию», победоносная Крестьянская война 1927–1949 гг. На этот раз сельские повстанцы выступили под другим иноземным идеологическим знаменем. Им стал «китаизированный марксизм» вместо тайпинского христианства.

Таким образом, в Китае в 1912–1949 гг. уже не функционировал тип чисто возвратной эволюции, но еще не возникла эволюция чисто линейная. Вместо них функционировал сплав обоих начал, синтез старого и нового типов эволюции. Господствовавшее традиционное начало в условиях переходного общества частично укрепило свою природу, подвергшись в известной мере «санации» после завершения старого (Цинского) и наступления нового (Тайпинского) периода. Очередной традиционный виток возвратности не мог быть «снят» современной линейностью, хлынувшей в Китай извне. Однако последняя тоже была не в состоянии избавиться от средневекового общественного потенциала и присущего ему типа эволюции. Сохранившийся потенциал традиционности оказывал искажающее и ослабляющее воздействие на современное линейное развитие. В частности, такое воздействие на капиталистическую линию эволюции делало невозможным переход буржуазного начала из состояния уклада в фазу формации. В свою очередь, и линейное развитие подтачивало возвратный ритм традиционности, втягивая его во взаимодействие и обезличивая его в лоне синтеза. Политические перевороты 1911–1949 гг. явились именно результатом наложения современного развития на традиционную эволюцию.

Формирование синтезированного общества, а точнее низкий уровень такого синтеза, лишало в равной мере как национальный капитал, так и китайский пролетариат возможности создать «западное» буржуазное общество либо диктатуру пролетариата. Именно это обстоятельство резко увеличивало шансы промежуточной силы, т.е. крестьянства. Традиционная система делала повстанческую борьбу крестьянства бесперспективной из-за блуждания по заколдованному кругу возвратности и отсутствия линейной поступательности. В переходном же обществе именно для крестьянских повстанцев открывались наибольшие возможности для политического успеха и формирования социальной системы в духе традиционных идеалов. Таким образом, слияние линейности и возвратности в основном работало на крестьянских руководителей. Синтез старого и нового развития сделал возможным то, что ранее, в условиях чистой традиционности, не удавалось крестьянским вождям.

Начиная с «опиумных» войн середины XIX в., стала функционировать дихотомия «возвратность – линейность» при постоянном росте последнего компонента и ожесточенном сопротивлении первого. В динамике это противостояние выглядело как колебательное движение между двумя состояниями «традиционная стагнация — переходное развитие», причем между двумя компонентами дихотомии взаимодействовали самые различные промежуточные элементы. Сочетание линейности и возвратности обусловило двойственность исторической эволюции полуколониального Китая в XIX–XX вв., заложив в нем ряд антагонизмов: «развитие–стагнация», «непрерывность–дискретность», «поступательность–возвратность». Эти оппозиции, способствовали синтезу двух основных компонентов эволюции.

Срастанию обоих типов движения на промежуточном уровне способствовали повышенные регенерационные возможности старой системы, восстановительный потенциал «азиатчины» и ее гибкая мимикрия. Непрерывность движения западного типа сочеталась с дискретностью восточ-

ного, восхождение вверх — со спадами, поступательность — с периодической возвратностью, рывки вперед — с частичными откатами назад. Во всех этих сочетаниях западные начала жестко лимитировались азиатскими. Традиционность обесценивала линейность, а та, в свою очередь, обесценивала возвратность, поскольку откат к двум «чистым» первоначальным типам движения был невозможен. В итоге реальная эволюция переходного социума Китая XIX–XX вв. пошла не по возвратному и не по линейному стандарту, а в русле их слияния. Возник синтез обоих, давший промежуточный и смешанный вариант развития.

Выводы

Оба типа исторического движения несли в себе свойственные им виды кризисности. Традиционное начало заложило в полукOLONиальный Китай династийно-демографический кризис. Демографический пласт системы «оздоровился» к середине 70-х гг., а династийное «обновление» произошло лишь в 1912 г. Таким образом, выход из кризиса растянулся почти на 40 лет. Одновременно с традиционным кризисом началось вмешательство внешних сил в естественный ход возвратной эволюции. Интернационализация исторического процесса в Китае с середины XIX в. привела к формационному кризису, который сделал дальнейшую эволюцию традиционной системы исторически бесперспективной. При этом количественное господство средневековых структур стало тормозом умирания старой формации. Характер этого привнесенного извне формационного кризиса соответствовал оценке, данной К. Марксом капиталистическому вторжению в Азию, назвав его «социальной революцией». В эту болезненную обстановку линейное развитие внесло новый вид кризисов менее значимого для Китая масштаба — периодические мировые экономические кризисы, такие как «великая депрессия» 1929–1933 гг.

В русле синтеза возвратности и линейности традиционная кризисность сливалась с современной в нечто комбинированное. Так, падение

монархии и переворот 1916 г. были окрашены в цвета традиционной смены династии (падения Цин и начала династии Юань Шикая), милитаристская междоусобица 10–30-х гг. и Крестьянская война 1927–1949 гг. являлись слагаемыми традиционной «смуты». Принципы синтеза и «двойного сценария» получили продолжение и в следующем, Маоистском периоде, начавшемся в 1949–1950 гг. и продолжающемся в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Непомнин О. Е. *История Китая. XX век*. М.: Крафт+, 2011. — 736 с. [Nepomnin O. E. *History of China. The 20th c.* Moscow: Kraft+, 2011. — 736 p.]

Непомнин О. Е. *История Китая. Эпоха Цин. XVII — начало XX века*. М.: Восточная литература, 2005. — 712 с. [Nepomnin O. E. *History of China. Qing Epoch. The 17th — the Beginning of the 20th c.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. — 712 p.]

Непомнин О. Е. *Социально-экономическая история Китая. 1894–1914*. М.: Наука, 1980. — 368 с. [Nepomnin O. E. *Socio-Economical History of China. 1894–1914*. Moscow: Nauka, 1980. — 368 p.]

Непомнин О. Е. *Экономическая история Китая (1864–1894 гг.)*. М.: Наука, 1974. — 304 с. [Nepomnin O. E. *Economic History of China (1864–1894)*. Moscow: Nauka, 1974. — 304 p.]

Социальная структура Китая. XIX — первая половина XX в. Отв. ред. О. Е. Непомнин. М.: Наука, 1990. — 436 с. [Nepomnin O. E. *Social Structure of China. The 19th — the First Half of the 20th c.* Ed. Oleg E. Nepomnin. Moscow: Nauka, 1990. — 436 p.]

Needham J. *The Grand Titration: Science and Society in East and West*. London: Allen and Unwin, 1969. — 352 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Sivin N. Why the Scientific Revolution Did Not Take Place in China — Or Didn't It? // Sivín N. (ed.). *Science in Ancient China* (PDF). Aldershot, Hants: Variorum, 1995. URL: https://www.sas.upenn.edu/~nsivin/from_ccat/scirev.pdf (дата обращения: 07.05.19).